

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ при ЦК КПСС

от 1 августа 1958 года

Председательствующий т.Шверник Н.М.

ШВЕРНИК. Тов.Булганин, скажите пожалуйста, какую цель вы преследовали, передавая т.Маленкову скрытно от ЦК КПСС рукописи об особой тюрьме, памятку следователю с вопросами к политзаключенным, а также заявление Федосеева и записку Абакумова?

БУЛГАНИН. Во-первых, я не считаю, что эти документы были скрыты от ЦК, потому что когда они ко мне попали, я доложил о них т.Хрущеву и т.Хрущеву их показывал. Кроме того, по его совету основной документ, как мне тогда казалось, - разведывательная справка на маршалов - мною был лично показан т.Ворошилову и Жукову - тогда кандидату в члены Президиума ЦК КПСС. Так что никакого намерения у меня скрыть документ не было. И, следовательно, никаких целей здесь не могло быть, а передал, как я прошлый раз уже говорил, в силу того, что эти документы принадлежали т.Маленкову, ему, как члену Президиума ЦК. Те документы, которые касались Суханова, я передал в дело Суханова.

ШВЕРНИК. Вы можете сказать свое отношение к этим документам?

БУЛГАНИН. Теперь в свете событий, которые произошли в 1957 году, конечно, некоторые из этих документов имеют значение. В частности, документ относительно особой тюрьмы и другие. Это было два с лишним года тому назад, в 1956 году. Этому не придавалось мною такого значения, как теперь я придаю. В частности, я прошлый раз говорил и сейчас говорю, что главное на что я обратил внимание - это на справку Комитета государственной безопасности относительно военных.

ШВЕРНИК. А сам факт вашего отношения к таким документам, как памятка следователю о допросах политзаключенных и другие, они не вызывали у вас сомнения как у члена партии?

БУЛГАНИН. Это был документ, как я уже сказал и говорил тогда, это был документ, записи Маленкова в блокноте, в его личной книжке И мне казалось, что он все это записывал под диктовку т. Сталина. Такого значения, которое я сейчас придаю, я тогда этому документу не придал.

ШВЕРНИК. И вы считаете правильным?

БУЛГАНИН. Видимо, неправильно.

ШВЕРНИК. Не скажете ли вы, почему вам понадобилось выставить 18-20 июля 1957 года свою охрану в Кремле, кому по этому вопросу вы давали распоряжение и с кем вы были связаны?

БУЛГАНИН. Никакого распоряжения я не давал и понятия об этом не имею, никакой охраны я не выставлял, все это ложь. Если об этом есть какие-либо разговоры - это донос и клевета. Никакого помысла у меня в этом отношении не было и мысли не было.

ШВЕРНИК. У т. Комарова есть сведения на этот счет.

КОМАРОВ. В ходе Пленума ЦК КПСС Главное управление охраны КГБ поставило вопрос о главном охраннике т. Булганина - полковнике Безрук. Он был начальником охраны у т. Булганина. Он вел себя неправильно, допускал неправильные разговоры среди охраны и была попытка обособить охрану от КГБ. С ним был разговор в Кремле и мы расследовали это дело. Этот полковник вел себя неправильно. Нами было доложено об этом Президиуму ЦК, и его отстранили от работы. Действительно такой вопрос возникал? Давали ему какие-либо указания или нет?

БУЛГАНИН. Никаких указаний не давал и понятия не имел об его намерениях. Мне известно, что он проявил недисциплинированность и его отстранили от работы.

ШВЕРНИК. А в чем недисциплинированность?

БУЛГАНИН. Он вел себя недостаточно дисциплинированно в отношении коменданта Кремля, генерала и еще были какие-то инциденты. Я это не могу себе приписать. Он проявил недисциплинированность и за это понес ответственность. Я к этому делу не имею никакого отношения и никаких указаний не давал, со своей охраной в данном случае и с этим полковником Безруком никаких разговоров никогда на партийные темы не вел и с ним держался строго официально. Если приходилось ехать кому-либо со мною, то всегда я закрывал окно, чтобы он ничего не слышал. Никаких разговоров у меня с ним никогда не было.

КОМАРОВ. Но что вы скажете о его поведении?

БУЛГАНИН. Человеку взбрело в голову.

КОМАРОВ. Когда шло заседание "пятерки", то он охранял, стоял у двери. Не было того, чтобы Булганин вел с ними разговор, но в период заварухи, которую они учинили, он около дверей стоял и вел себя неправильно. Он должен был об этом ставить в известность начальника охраны КГБ. Вот о чем идет речь, поэтому встает законный вопрос.

БУЛГАНИН. Я никогда с охраной в близких отношениях не состоял, держался очень официально.

КОМАРОВ. Верно и верно то, что он вступал в перекоры с комендантом Кремля. Он возомнил о себе.

БУЛГАНИН. Я знаю. Потом его освободили от работы, но мне ставить такой вопрос нельзя.

АЛФЕРОВ. Все-таки странно. Всегда он был дисциплинированным, отделен от вас, никаких разговоров вы с ним не вели, откуда на него нашло сверхнаитие, что он в этот момент вдруг стал проявлять активность? Значит он знал о чем-то? У меня складывается такое впечатление, что он, видимо, невольно слышал, присутствовал или знал.

БУЛГАНИН. Нужно его спросить.

АЛФЕРОВ. Вы его лучше знаете.

БУЛГАНИН. Я знаю всех остальных, которые ходят за мной.

КОМАРОВ. В этой части он прав, что не вел разговоров. Он прав, что в действительности он вел себя неправильно.

БУЛГАНИН. Никогда ни в каких отношениях я с ним не был.

ШВЕРНИК. Его к порядку не призвали.

БУЛГАНИН. Тов. Комарову было поручено проверить и было решено отстранить его от работы и его отстранили.

ШВЕРНИК. Известно ли вам, что Молотов в эти дни вызвал из отпуска Шаталина, который ждал в Министерстве госконтроля Пленума ЦК КПСС?

БУЛГАНИН. Я не знаю. Я об этом после узнал, что Шаталин оказался в Москве, но кто его вызвал, по какому поводу я не знаю.

ШВЕРНИК. Все-таки вы, очевидно, проявляли какой-то интерес к Шаталину?

БУЛГАНИН. У кого, у вас?

ШВЕРНИК. У тебя.

БУЛГАНИН. Я несколько лет его не видел и не знаю, где он находился. В 1957 году я его не видел и не знал, где он находился, а что он в Москве я узнал через несколько месяцев со слов кого-то из членов Президиума ЦК.

КУЗНЕЦОВ. От кого?

БУЛГАНИН. Я не помню, может быть, от т.Хрущева.

ШВЕРНИК. Тут нам надо ясно представить обстановку, которая была. Вы пришли на заседание Президиума уже с готовой своей позицией и, несомненно, такой человек как Шаталин, он был в вашей компании.

БУЛГАНИН. Понятия не имею. Я не знаю Шаталина.

ШВЕРНИК. Как это так?

БУЛГАНИН. То есть я знал его, когда он был секретарем ЦК.

ШВЕРНИК. Он был секретарем ЦК и вдруг вы забыли, кто такой Шаталин.

БУЛГАНИН. Я знал, что Шаталин работал секретарем ЦК, знал Шаталина до секретарства в ЦК, когда он работал в ЦК в качестве руководителя отдела кадров, кажется, и больше с ним никогда не встречался.

ШВЕРНИК. Во время событий 18-20 июня Шаталин был в отпуске, вы выступаете против руководства партии, против т.Хрущева, появляется Шаталин, все это как-то странно.

БУЛГАНИН. Я не знал, что он появился и услышал, что он появился в Москве через несколько месяцев на Президиуме ЦК, то ли т.Хрущев говорил, то ли еще кто-то говорил, что он якобы был вызван в Москву. Кто его вызывал, я не знаю, понятия не имею. Мне говорили также, что и Козлова вызывали. Каким-то образом Козлов оказался в Москве, но я узнал об этом спустя несколько месяцев после событий 1957 года.

ШВЕРНИК. Как вы оцениваете их появление в Москве?

БУЛГАНИН. Я не знаю, кто их вызывал.

ШВЕРНИК. Как это так?

АЛФЕРОВ. Козлов - это бывший заведующий Сельхозотделом.

БУЛГАНИН. Я не знаю, кто их вызывал и понятия не имею.

АНДРЕЕВА. Пленум не планировался, собрался неожиданно. Они не члены Пленума.

ШВЕРНИК. Быть в одной группе и не знать, что в Москву вызываются Шаталин и Козлов?

БУЛГАНИН. Вызывал ли его Молотов или нет - я не знаю, не имею понятия.

КУЗНЕЦОВ. Козлов много раз говорил с Маленковым по телефону.

БУЛГАНИН. Тоже не знаю. Если их вызывал Молотов, то я придаю этому политическое значение, если был такой факт.

КУЗНЕЦОВ. Был такой факт.

БУЛГАНИН. Я не знаю и в отношении Козлова. Вообще никаких разговоров насчет Шаталина, насчет Козлова у меня лично ни с кем не было.

ШВЕРНИК. Будем считать, что вы не помните.

БУЛГАНИН. Я не не помню, а я точно заявляю и определенно.

ШВЕРНИК. Вы сказали, что после допроса Маленковым, Берия и вами тов. Кузнецова и других ленинградцев в Лефортовской тюрьме у вас сложилось глубокое убеждение в их невиновности. Почему вы не высказали это свое убеждение Берия и Маленкову?

6 БУЛГАНИН. Обстановка была такая, что я держался с ними осторожно. Я знал роль Берия в этом деле, роль Маленкова и на эту тему я с ними не разговаривал.

ШВЕРНИК. У вас сложилось глубокое убеждение в их невиновности и вы молчали?

БУЛГАНИН. Такая обстановка была тогда.

АЛФЕРОВ. Уничтожают коммунистов.

АНДРЕЕВА. И не просто рядовых коммунистов.

АЛФЕРОВ. Вы коммунист с 1917 года и не имели мужества сказать, что коммунистов губят?

БУЛГАНИН. Я был глубоко убежден, что и другие товарищи были уничтожены совершенно безвинно.

ШАТУНОВСКАЯ. Кто?

БУЛГАНИН. Мало ли людей, руководящих партийных кадров погибло без винно. Я лично и другие товарищи думали, что люди страдают безвинно, а, однако, была такая обстановка, что сказать было нельзя.

ШВЕРНИК. Вы же допросы вели в этом направлении.

АЛФЕРОВ. Почему вы, т. Булганин, сомкнулись с теми, кто был главным виновником уничтожения этих людей на Пленуме ЦК?

БУЛГАНИН. Я говорил на Пленуме ЦК, на Московском активе, в Ленинграде, почему я оказался в этой группе.

КОМАРОВ. Вроде доверительная комиссия, еще трое ездили. Значит их кто-то посылал или вы сами сговорились? Если послали комиссию, то она должна была объективно разобраться, или она была послана специально для того, чтобы усилить? Этот вопрос неясен. Если эта комиссия состояла из трех человек, то выскажите свое мнение. Почему об этом не сказал нигде? Кто их послал троих, по своей инициативе они поехали, или кто их послал? Неясно, почему образовались трое. В чем тут дело?

БУЛГАНИН. Я прошлый раз говорил по этому вопросу как обстояло дело. Заехали за мной Берия и Маленков. Как это бывало часто, когда мы ехали к Сталину, то следовали всегда вместе. Я не знаю точно, не помню то ли мне говорили в машине, то ли до этого позвонил Маленкову и сказал, что поручено Сталиным Берия, Маленкову и мне поехать в Лефортово. Мы поехали трое. Никакой комиссии никто не назначал. Сказать в то время Сталину, или Берия, или Маленкову, а это означало сказать Сталину то, что думаешь - было невозможно. Обстановка была такая, вы все хорошо это знаете, поэтому не сказал.

АНДРЕЕВА. Когда нас вызывали по отдельным коммунистам в военную прокуратуру и спрашивали: виноват этот человек или нет, то мы говорили - нет, мы набирались мужества и заявляли прямо.

БУЛГАНИН. Сказать Сталину обратное то, что он делал, невозможно, такая была создана обстановка, что невозможно было сказать.

ШВЕРНИК. Как понимать цель вашей поездки в Лефортовскую тюрьму, в чем она состояла?

БУЛГАНИН. Я думаю, что Сталин хотел проверить Абакумова. Думаю, что так, другого повода не было для этого.

ШВЕРНИК. Значит поездка состояла в том, чтобы подтвердить сфальсифицированные выводы Абакумова о виновности тт. Кузнецова, Вознесенского и др.?

БУЛГАНИН. Думаю, что так. Там были такие как Берия, Маленков, которые Сталину абсолютно все докладывали.

АНДРЕЕВА. Удивительно, уничтожают людей и нет мужества сказать.

БУЛГАНИН. Я вместе с вами готов сказать это и вместе с вами возмущаюсь так же как и рядовые, но был такой режим, был кровавый террор, эпоха уничтожения наших кадров, тогда никто ничего не мог сказать Сталину против.

ШВЕРНИК. А почему вы потом после этого не рассказали членам Президиума ЦК обо всем? Вместо того, чтобы рассказать об этой эпохе, вы же создали группу, которая борется против ЦК, т.е. борется лично, персонально против т.Хрущева. Ведь вот о чем идет речь. Вы были активным участником заговорщической группы, о которой не хотите ничего сказать, не хотите разоблачить ее антипартийные действия, что же вы и сейчас боитесь Маленкова?

БУЛГАНИН. Я не боюсь.

ШВЕРНИК. Не боитесь, значит просто выгораживаете Маленкова.

БУЛГАНИН. Я знал, что то, что скажешь Маленкову, будет известно Сталину.

ШВЕРНИК. Вы боялись тогда при жизни Сталина, а почему же теперь продолжаете молчать? Ведь вы и сейчас ничего не говорите о Маленкове, вы его не разоблачаете и нам приходится здесь сидеть и задавать вам вопросы, задавать вопросы о Маленкове и выжимать все это. Если вы настоящий коммунист, то сегодня вы должны разоблачить Маленкова, а вы его не разоблачаете.

БУЛГАНИН. Неверно.

ШВЕРНИК. Потому что у вас еще и сейчас существует групповая дисциплина. Мы хотим, чтобы вы набрались мужества и рассказали об антипартийной деятельности Маленкова.

БУЛГАНИН. Она известна.

ШВЕРНИК. Нет, не совсем известна.

БУЛГАНИН. Что я могу добавить к тому, что известно? Маленков играл известную роль в нарушении законности, которая была при Сталине. Это же известно.

ШВЕРНИК. В чем она выражалась?

БУЛГАНИН. Он был главным докладчиком у Сталина по всем вопросам, так же как Берия, Ежов в те годы. Известно, что куда Маленкова посылал ЦК, там всегда дело кончалось разгромом, арестом кадров. Это известно, все знают и это не ново. Что еще сказать? Известно армянское дело, известны и другие дела, по которым он ездил. Он был основным докладчиком у Сталина по этим вопросам. Он ездил, он докладывал Сталину и после этого принимались решения.

ШВЕРНИК. Но ведь Сталину докладывали результаты поездок, завершившихся расстрелом коммунистов.

БУЛГАНИН. Маленков по всем делам был одним из главных докладчиков у Сталина.

АНДРЕЕВА. Почему на этом Пленуме вы, так много знавший в отношении особой тюрьмы и о другом, не сказали об этом? А вы пытались сохранить ее - для кого неизвестно. Вы же видели, что ни один человек на Пленуме вас не поддерживал, а ведь Пленум не был подготовлен. Мы сидели и искренне переживали по поводу того, что творилось. Почему вы тогда, если вы честный коммунист, не помогли членам Пленума дополнительно раскрыть то, что вы хорошо знали?

БУЛГАНИН. Я на Пленуме ЦК говорил о Маленкове, о других и о себе.

ШВЕРНИК. Об особой тюрьме, о документах не говорили.

БУЛГАНИН. Не говорил, я признаюсь. Об особой тюрьме говорил Дудоров.

ШВЕРНИК. О документах?

БУЛГАНИН. Не говорил. Я сказал, что об особой тюрьме говорил Дудоров.

ШВЕРНИК. Маленков отрицал, что тюрьма КПК была, а вы присоединились к нему.

АНДРЕЕВА. Когда спрашивали Захарова, он отверг все это. Дудоров назвал ряд работников и в том числе работников КПК. Мне поручили разговаривать с Захаровым и я с ним разговаривала. Он говорит, что я ничего не знаю. Все это скрывали.

БУЛГАНИН. Ничего не скрывал и не скрываю. Я на Пленуме ЦК, конечно, был потрясен своими собственными ошибками и говорил о себе, о своих ошибках. Каждый из них выступал и говорил.

ШВЕРНИК. Вы сказали, что Маленков готовил против вас дело. Как же вы, зная об этом, впоследствии стали одним из участников антипартийного блока? Расскажите, как это произошло?

БУЛГАНИН. Рассказать как произошло?

ШВЕРНИК. Да.

БУЛГАНИН. В мое отсутствие, когда я был в отпуске, на заседании в Совете Министров был поднят вопрос о том, что неправильно принята на вооружение зенитная пушка калибра 57, что принятие на вооружение этой пушки граничит с вредительством, так как там, в этой пушке, оказались некоторые дефекты. Эти дефекты были такими, о которых мы все знали, т.е. люди, которые принимали на вооружение эту пушку. Я подписал решение о том, чтобы ее принять на вооружение. Представили это решение нынешнему маршалу Яковлеву, Неделину и другим товарищам. Я хорошо знал это дело, знал это оружие, считал его первоклассным и совершенно без колебаний принял решение о том, чтобы эту пушку принять на вооружение. Она была

принята, а потом поступила жалоба, что она имеет недостатки. Было доложено в мое отсутствие либо Маленкову, либо Берия о том, что я совершил такое упущение и, проще говоря, преступление, и началось дело. Об этом мне стало известно в Сочи, когда я был в отпуске. Я решил, что это дело направлено на то, чтобы подорвать меня. Вскоре после этого дело было передано прокурору, а от прокурора оно последовало к Абакумову. Состоялся арест людей, которые подготавливали решение о принятии на вооружение этой пушки. Был арестован ГАУ генерал-полковник _____ был арестован Яковлев и решался вопрос о дальнейшем ведении этого дела. Думаю, что это было направлено против меня. Вот, что касается существа вопроса.

Теперь другой вопрос, почему я с Маленковым состоял в этой группе? Эти вопросы совершенно разные. О том, как случилось, что я оказался вместе с ними, я говорил на Пленуме ЦК и в других местах. То, что я оказался вместе с ними — это глубочайшая моя ошибка, об этом я уже говорил и признаю. Но мало ли было всяких других дел по Совету Министров, когда Берия и Маленков были всегда вместе и выступали по целому ряду вопросов против меня и других товарищей?

АЛФЕРОВ. Это разные вещи. Они на вас ставку делали. Вы возглавляли заседание. Они вас прочили на председателя. Были разногласия по тактическим вопросам, а потом взять власть в свои руки. "Начался 1937 год".

БУЛГАНИН. Какой 1937 год?

АЛФЕРОВ. Началось как тогда, когда Каганович и Маленков проводили это дело. Вы сами говорите, что Маленков был человеком инициативным, т.е. инициатором разгрома кадров в стране.

БУЛГАНИН. Он был одним из основных докладчиков.

АЛФЕРОВ. И вы с ним сомкнулись. Вы в Комитете Партийного Контроля, но вы не досказали, об этом вам говорили на последующих пленумах. Я считаю, что т.Булганин неискренне все рассказал.

БУЛГАНИН. То, что я сказал, я сказал искренне. Я все говорю искренне и думать что-либо другого не могу.

АЛФЕРОВ. Мы присутствовали на Пленуме, на активе и слушали вас.

АНДРЕЕВА. Ни об особой тюрьме, ни о документах вы не говорили.

АЛФЕРОВ. Маленкова вы оцениваете так, а сами вместе с ним оказались. Он избивал кадры и вы боялись в условиях того времени сказать об этом, а в это время оказались с ним вместе. У политических деятелей так не бывает. Это какие-то другие цели.

ШВЕРНИК. Булганин все время говорит, что Маленков всегда был близок к Сталину, но Сталина в это время уже не было.

БУЛГАНИН. Когда тогда?

ШВЕРНИК. Когда создавался антипартийный блок.

БУЛГАНИН. Я считаю своей огромной ошибкой и об этом сказал на Пленуме ЦК. Рассказал о всей истории связи с этой группой. Что же я могу еще сказать?

КУЗНЕЦОВ. Здесь нужно объяснить.

БУЛГАНИН. Я и объясняю.

ШВЕРНИК. Вы сказали, что Маленков готовил против вас дело, какое дело?

КОМАРОВ. С пушкой.

ШВЕРНИК. Не понимаю, почему вы стали участником антипартийной группы Маленкова?

БУЛГАНИН. Я уже говорил, что нас объединяло, что создало антипартийную группу, в которую я входил, принимал участие, в чем я глубоко раскаиваюсь и сожалею. Об этом я говорил на Пленуме ЦК и сейчас говорю.

ШВЕРНИК. Какие задачи вы ставили, будучи в этой группе?

БУЛГАНИН. Об этом говорилось много.

ШВЕРНИК. Что вы преследовали?

БУЛГАНИН. Тогда было все направлено против т.Хрущева.

ШВЕРНИК. Почему?

БУЛГАНИН. Казалось неправильным его поведение. Президиум считал, что он хочет взять власть в свои руки, как первый секретарь, считал, что он злоупотребляет властью. Вот какие задачи ставились.

ШВЕРНИК. Какой Президиум? Вы Президиум ЦК не спрашивали. Все это делала ваша антипартийная группа.

БУЛГАНИН. Я говорил и сейчас говорю, что это было ошибкой. Нужно было обсудить на Президиуме, а не собираться отдельно и обсуждать этот вопрос.

ШВЕРНИК. Вы участвовали в создании антипартийной группы.

БУЛГАНИН. В этом есть основная моя ошибка, которую я признаю.

КУЗНЕЦОВ. Вы очень хорошо рассказали, что Маленков губил многих руководителей. Вы десятки лет знали его как антипартийного человека и вдруг вместе с этим Маленковым оказались в одной группе.

БУЛГАНИН. Так получилось и получилось нехорошо.

ШАТУНОВСКАЯ. Вы говорите, что одним из главных действующих лиц кровавого террора являлся Маленков, почему вы вместе с Маленковым блокировались против Центрального Комитета?

БУЛГАНИН. Я уже сказал и еще раз повторяю, что все это не учитывалось, все было в прошлом. Я считаю глубокой своей ошибкой, что с ним связался и не только с Маленковым, но и с другими, с Кагановичем, в частности. Я это признал и признаю сейчас.

ШВЕРНИК. Вы признаете, но не характеризуете и не раскрываете эту группу.

БУЛГАНИН. Я отошел на Пленуме ЦК, признал это ошибкой.

ШВЕРНИК. А вы не осудили своих партнеров.

БУЛГАНИН. Я в своем выступлении говорил.

ШВЕРНИК. Ничего не говорили.

КОМАРОВ. Не говорили.

ШВЕРНИК. Вы произносили речи, а на Пленуме осудить не осуждали. Вы только высказывались, что не согласны были с Маленковым, но не сказали в чем не согласны.

БУЛГАНИН. Я и тогда говорил на Пленуме ЦК, что осуждаю и считаю неправильным. Я искренне говорил об этом и сейчас повторяю. Нового ничего не произошло после этого. Я повторяю это до сих пор и считаю, что была моя ошибка, что я связался с ними.

ШВЕРНИК. Вы говорили, что Маленков погубил многих руководящих работников партии и государства. Не можете ли вы сообщить, кого именно?

БУЛГАНИН. Я стоял тогда довольно далеко от Политбюро. Я состоял в Политбюро, но у Сталина не бывал, узнал об этом только после смерти Сталина. Узнал о роли Маленкова только после съезда партии, что он был одним из главных докладчиков по всем этим делам. Я знал, что он выезжал в командировки; разбирал дела в партийных организациях и в результате все это кончалось арестом. Я тогда видел, что Маленков играет ведущую роль.

ШВЕРНИК. Тем не менее вы не реагировали на его действия.

БУЛГАНИН. Такая обстановка была.

ШАТУНОВСКАЯ. А почему в дальнейшем сбросили все со счетов?

БУЛГАНИН. Не только я. Маленков после этого состоял у руководства, он был после этого председателем Совета Министров.

ШВЕРНИК. Но тогда не было все это известно членам Президиума ЦК.

БУЛГАНИН. Все это было известно.

ШВЕРНИК. Вы сказали, что вы хотели поправить т.Хрущева.

АЛФЕРОВ. Пленум это отверг и сказал совершенно по-другому.

БУЛГАНИН. Я голосовал за решение Пленума.

ШВЕРНИК. Вы голосовали после того как был разоблачен заговор антипартийной группы.

БУЛГАНИН. Я согласен с решением Пленума и был еще согласен на Пленуме ЦК.

КОМАРОВ. А сейчас по-другому говорите. Вы два раза выступали на Пленуме, так что дело было не так.

БУЛГАНИН. Бывают трудности.

ШВЕРНИК. Тов.Булганин, вы захватили председательское место на Президиуме ЦК. Вы это помните?

БУЛГАНИН. Помню.

ШВЕРНИК. Почему вы это сделали?

БУЛГАНИН. Ты помнишь, какая была обстановка? Мне предложили, чтобы я председательствовал.

ШВЕРНИК. Кто предложил?

БУЛГАНИН. Предложил Маленков, поддержали его другие, Каганович, Молотов, не помню кто еще.

ШВЕРНИК. Вы же оказались во главе раскола, заняв место председателя!

БУЛГАНИН. Я согласен с вами.

ШВЕРНИК. Вот вы согласны, а как это назвать?

БУЛГАНИН. Это антипартийное поведение.

ШВЕРНИК. Антипартийное поведение, граничащее с переворотом. Так или нет?

БУЛГАНИН. В то время никакого переворота я не замышлял.

ШВЕРНИК. Вот тебе на, отстранил тов.Хрущева, занял председательское место и считает, что он не намеревался делать переворота.

АЛФЕРОВ. И членов ЦК не спрашивали.

БУЛГАНИН. Я считаю это дело антипартийным, неправильным, осуждаю и согласен с вами, что это было совершенно недопустимый, антипартийный выход с моей стороны. Полностью согласен.

ШВЕРНИК. А как относятся ваши друзья к этому?

БУЛГАНИН. Их поведение осуждалось, осуждается.

АЛФЕРОВ. Что преследовал Маленков, когда вносил это предложение?

ШАТУНОВСКАЯ. Это тот самый Маленков, который был организатором кровавого террора.

АЛФЕРОВ. Помогите все-таки разобраться.

БУЛГАНИН. Я оцениваю это как грубейшее антипартийное преступление.

АЛФЕРОВ. Что преследовал Маленков?

БУЛГАНИН. Это нужно его спросить, я не знаю, что он думал, когда он говорил.

ШВЕРНИК. Ведь вы же были с ним в одной антипартийной группе.

БУЛГАНИН. Говорили, чтобы я председательствовал, поскольку речь идет о т.Хрущеве, было бы лучше, чтобы был другой председатель.

ШВЕРНИК. Вы хотите сказать, что лояльно относились к замыслам Маленкова?

БУЛГАНИН. Я согласен.

ШВЕРНИК. Как оценить это?

БУЛГАНИН. Как антипартийное.

ШВЕРНИК. Когда вы условились об отстранении т.Хрущева с поста Секретаря ЦК КПСС до заседания или на самом заседании Президиума ЦК КПСС?

БУЛГАНИН. До заседания.

КУЗНЕЦОВ. Это был настоящий заговор.

АЛФЕРОВ. Дело о Маленкове разбирается в Комитете Партийного Контроля, вы, как коммунист, должны помочь КПК до конца разобраться с Маленковым.

БУЛГАНИН. Что я о Маленкове знаю, я все говорю.

АНДРЕЕВА. Нужно говорить конкретно. Вы говорите, что был Сталин, была обстановка, а кто Маленкова заставлял, чтобы он писал памятку, избивал секретарей обкомов?

БУЛГАНИН. Мне многое неизвестно, что делал Маленков, хотя я был с ним в хороших отношениях, дружил.

ШВЕРНИК. Вы говорили, что об антипартийных действиях Маленкова вы знали давно?

БУЛГАНИН. Мы предполагали, мы видели.

ШВЕРНИК. Почему вы не сообщили Президиуму и Пленуму ЦК о документах, переданных вами Маленкову?

БУЛГАНИН. Я считал, что эти документы Маленкова, что он должен сам о них отчитываться, сам должен нести ответственность. С моей стороны какого-либо преднамеренного укрытия этих документов не было. Я говорил о том, что когда ко мне эти документы попали, я о них сообщил т.Хрущеву.

ШВЕРНИК. Вы их читали?

БУЛГАНИН. Да, я их показывал т.Хрущеву.

ШАТУНОВСКАЯ. Те документы, которые перечисляются в записке т.Парфентьева?

БУЛГАНИН. Я их читал, говорил о них т.Хрущеву. Сосредоточил свое главное внимание на записке МГБ. Тов.Хрущев ее читал. Так что я ничего не скрывал. Об этом говорил и с другими членами Президиума.

ШВЕРНИК. Вы передали Маленкову рукопись об особой тюрьме при КПК, памятку следователю особой тюрьмы, составленную Маленковым в виде вопросов и готовых ответов политзаключенных, заявление в ЦК КПСС Федосеева и записку Абакумова. Вы не показывали этих документов тов.Хрущеву!

БУЛГАНИН. Еще был один документ о составе правительства.

ШВЕРНИК. Эти документы имеют большое значение. Вы их читали, или нет?

БУЛГАНИН. Да, читал.

ШВЕРНИК. Как же так, вы их прочли и передали Маленкову, а в ЦК партии не послали?

БУЛГАНИН. Это было в 1956 году.

ШВЕРНИК. Это неважно. Эти документы вы послали Маленкову, а в ЦК партии не послали.

БУЛГАНИН. Это было в 1956 году, когда отношения с Маленковым были совершенно нормальными, когда он был членом Президиума, председателем Совета Министров, а после этого зам.председателя Совета Министров. Все, что касалось дела Суханова, передали в следственные органы, а все, что относилось к Маленкову, я отдал Маленкову.

ШВЕРНИК. Маленков тогда не был председателем Совета Министров.

БУЛГАНИН. Да, не был.

АЛФЕРОВ. Прошел этот период, о котором вы говорили, когда уничтожали людей и трудно было сказать Маленкову и Берия. Но вам в руки попадают документы, которые изобличают Маленкова во многих преступлениях. Вы были членом Президиума. В Президиуме была обстановка такая, что можно было все высказать. Почему вы не поставили этот вопрос, если вы с Маленковым не согласны? Почему вы решили, что эти документы надо уничтожить?

БУЛГАНИН. Я никогда не предполагал, что они все должны быть уничтожены. Я их отдал Маленкову, потому что считал, что они ему принадлежат.

ШВЕРНИК. Вы говорите неправду, т.Булганин, это не просто дружеская переписка между вами и Маленковым. Рукопись об особой тюрьме при КПК, памятка следователю особой тюрьмы, заявление в ЦК КПСС Федосеева, записка Абакумова - это документы, раскрывающие преступления Маленкова. Почему вы не заинтересовались этими документами, не потребовали от Маленкова объяснения? Почему эти документы вы вместе с Маленковым скрыли от ЦК КПСС?

БУЛГАНИН. Никакого участия в делах Маленкова я не принимал и принимать не мог. Когда он все это дело делал, то я был довольно далеко от него.

ШВЕРНИК. Вы у Сталина были на равных правах с Маленковым.

БУЛГАНИН. Надо было передать в ЦК, я согласен с этим.

ШВЕРНИК. Почему вы этого не сделали?

БУЛГАНИН. Считаю это неправильным.

ШВЕРНИК. Только ли неправильным, или правильнее сказать, что вы сделали это в групповых антипартийных интересах?

БУЛГАНИН. Я это отвергаю, никакой антипартийной мысли у меня не было в то время, вообще обстановка была нормальная. Попали ко мне документы из личного сейфа Маленкова. Я подошел к этому делу неправильно.

КУЗНЕЦОВ. Это не личные документы.

АНДРЕЕВА. А вы подошли как к личным документам.

ШВЕРНИК. Что значит личные документы? Разве можно такие документы считать личными документами Маленкова?

БУЛГАНИН. Я считаю это ошибкой. Я повторяю, что об этих документах я информировал т.Хрущева.

АЛФЕРОВ. Эти документы компрометировали лично Маленкова и показывали, что это за тип, который уничтожил много людей. Вы сделали это для того, чтобы выгородить Маленкова. Тов.Булганин, вы неискренне говорите.

ШВЕРНИК. Давайте, товарищи, вызовем т.Маленкова и заслушаем его по этим же вопросам. (Входит т.Маленков).

ШВЕРНИК. Тов.Маленков, нам известно, что т.Булганин 4 июня 1956 года послал вам через своего помощника т.Панасенко документы, заявление Федосеева, письмо Абакумова и справку Климкина. Где эти документы?

МАЛЕНКОВ. Я говорил на этот счет. Я тогда не подписал письмо т.Булганина, имея в виду, что встретившись, поговорить об этом более обстоятельно и найти способ каким образом ознакомить членов

Политбюро с этими документами. С частью из этих документов, как я помню, потом ознакомили вкруговую.

ШВЕРНИК. У нас этих сведений нет.

МАЛЕНКОВ. Может быть, я ошибаюсь.

ШВЕРНИК. Чем же это вызвано? Вам посылается подписанное Булганиным письмо в ЦК КПСС, которым он хотел проинформировать вместе с вами Президиум ЦК о документах, вы отказались подписать его и вместе с документами оставили у себя. Скажите по совести: почему вы так сделали?

МАЛЕНКОВ. Я не считал целесообразным таким официальным путем посылать некоторые из этих документов. Я говорю по совести.

ШВЕРНИК. Вы постеснялись сказать правду ЦК КПСС?

КОМАРОВ. Это не любовные были дела.

МАЛЕНКОВ. Со всеми документами я знакомил и никакого злого умысла у меня не было совершенно, тем более, что об этих документах в свое время писал Суханов. Я о них говорил.

ШВЕРНИК. Вы говорите неправду, вы уклоняетесь от ответа по существу.

МАЛЕНКОВ. Нет.

АНДРЕЕВА. Письмо не подписали и документы потом пропали.

ШВЕРНИК? Вы оставили документы у себя, а потом уничтожили их. Значит вы что-то скрываете от Президиума ЦК?

МАЛЕНКОВ. Это было известно.

ШВЕРНИК. Кому?

МАЛЕНКОВ. Суханов писал.

ШВЕРНИК. Вы отказались подписать письмо, присланное вам Булганиным 4 июня 1956 года.

МАЛЕНКОВ. Я думаю, что лучше было бы подписать. Но что я могу сейчас сказать?

ШВЕРНИК. Вы должны говорить честно. Вы неправильно себя ведете. Вы думаете, что можно отвертеться от этого вопроса. Почему вы не подписали сопроводительное письмо? Вы должны об этом сказать.

МАЛЕНКОВ. Совсем не та была обстановка. Теперь бы я подписал.

ШВЕРНИК. О какой обстановке в 1956 году вы говорите? Нужно сказать, почему вы не подписали письмо, присланное вам через Панасенко Булганиным?

МАЛЕНКОВ. Никакого умысла на этот счет у меня не было.

ШВЕРНИК. Вы говорили по телефону с т.Булганиным, что не будете подписывать письмо, какие мотивы вы выдвигали?

МАЛЕНКОВ. Я сказал, что встретимся, посоветуемся.

КОМАРОВ. А что советоваться, там все ясно, нужно было подписать.

АНДРЕЕВА. Они не хотели сами себя раскрывать.

МАЛЕНКОВ. Это были известные документы, с них были сняты копии.

ШВЕРНИК. Целый ряд очень важных документов пропал.

МАЛЕНКОВ. Я помню, что вкруговую знакомились с целым рядом документов.

ШВЕРНИК. Ничего подобного, никого вы со своими рукописями об особой тюрьме не знакомили.

КУЗНЕЦОВ. Тов.Булганин говорил, что он ничего не знал об особой тюрьме.

БУЛГАНИН. Я не знал, что она действовала, об этом я узнал на Пленуме ЦК, из выступления т.Дудорова.

КОМАРОВ. Кто деньги отпускал на это дело, это тюрьма, а не собачник? Сколько времени существовала?

АНДРЕЕВА. Ее нужно было оборудовать.

КУЗНЕЦОВ. Содержать штат в 100 человек.

ШВЕРНИК. Это нас удивляет.

МАЛЕНКОВ. Я не подписывал и хотел лично сам ознакомить.

ШВЕРНИК. Вы оставили их у себя, чтобы скрыть от партии.

МАЛЕНКОВ. Я на Пленуме ЦК с ними выступал.

АНДРЕЕВА. Почему на Пленуме не сказали?

КОМАРОВ. На Пленуме ничего не сказали.

МАЛЕНКОВ. Я говорил и беседовал на эту тему. Я не отказываюсь от них.

ШВЕРНИК. Вы не подписали.

МАЛЕНКОВ. Я не отказываюсь.

ШВЕРНИК. Теперь нет этих документов.

МАЛЕНКОВ. Я говорил об этих документах.

ШВЕРНИК. Никому не говорили. Вы очень хитрый человек и эти документы скрывали от партии, а теперь говорите, что говорили.

МАЛЕНКОВ. Чего скрывать, я бы их просто уничтожил.

АНДРЕЕВА. Документы вам передали, а теперь их нет.

МАЛЕНКОВ. Думаю, что копии есть.

КОМАРОВ. Непонятно, вы же говорили, что это были записи в блокноте, какие же копии?

МАЛЕНКОВ. Я совершенно не отказываюсь от них. Что я мог бы сказать?

КОМАРОВ. Вспомните и правдиво расскажите.

МАЛЕНКОВ. На Пленуме ЦК говорил.

ШВЕРНИК. Почему вы не подписали письмо Булганина о направлении заявления Федосеева, письмо Абакумова и справки Климкина в ЦК КПСС?

МАЛЕНКОВ. Я лично хотел объяснить.

ШВЕРНИК. Эти документы вы уничтожили, значит вы скрывали их от партии.

МАЛЕНКОВ. Так выглядит сейчас все это дело.

ШВЕРНИК. Булганин говорит, что Маленков звонил ему и сказал, что предпринимать ничего не надо. Значит договорились между собой.

МАЛЕНКОВ. Булганин здесь не при чем совершенно.

КОМАРОВ. Он должен был спросить, когда будет подписан этот документ.

МАЛЕНКОВ. Булганин рассчитывал на меня, а я не беседовал по этому вопросу.

ШВЕРНИК. Вы неправильно поступили.

МАЛЕНКОВ. Да, неправильно.

ШВЕРНИК. Вы от партии скрываете, где документы: рукопись об Особой тюрьме, Памятка следователя, рукописный допрос Ежова о преступной деятельности Маленкова, заявление Федосеева и записка Абакумова, адресованная в ЦК КПСС?

МАЛЕНКОВ. Я говорил, что скорее всего я эти документы уничтожил. Когда я выступал на Пленуме ЦК, они были у меня в руках. Когда меня исключили, вскоре после этого перед поездкой в Казахстан, многие бумаги были уничтожены. Скорее всего я уничтожил и эти документы. Я буду искать сам и убежден, что есть копии, но я от них не отказываюсь.

ШВЕРНИК. Искали, но не нашли.

МАЛЕНКОВ. Не нашли, но они могут найтись.

ШВЕРНИК. Документы вам передал Булганин и никаких копий с них никто не оставлял.

МАЛЕНКОВ. Это мои личные заметки, которыми я распоряжаюсь как хочу. Я лично записывал и от них не отказываюсь. Я убежден, что они найдутся. Снимали же копии.

ШАТУНОВСКАЯ. Кто снимал?

МАЛЕНКОВ. Снимали копии, печатали.

КУЗНЕЦОВ. Копию сняли только со справки Климкина.

БУЛГАНИН. Только с этой.

МАЛЕНКОВ. Я не могу утверждать.

ШВЕРНИК. Тов.Булганин, вы отдали Маленкову подлинные документы?

БУЛГАНИН. Подлинники. Копия была с одного документа - с записки Климкина.

МАЛЕНКОВ. Были и другие документы. По особой тюрьме была копия, давайте искать, найдем.

КОМАРОВ. Где снимали копию?

МАЛЕНКОВ. Я не снимал.

ШВЕРНИК. Тов.Панасенко снимал копию по распоряжению т.Булганина только с записки Климкина.

МАЛЕНКОВ. Была копия и с этого документа.

ШВЕРНИК. Булганин неправильно поступил. Булганин, сказал т.Панасенко, что ему звонил Маленков и предпринимать что-либо к возврату документов, оставленных у себя Маленковым, не надо.

БУЛГАНИН. Да, правильно, я подтверждаю.

ШВЕРНИК. Так Маленков и Булганин скрыли документы от ЦК КПСС.

ШВЕРНИК. Тов.Панасенко, вы возили документы т.Маленкову?

ПАНАСЕНКО. Да, возил.

ШВЕРНИК. Подписал Маленков сопроводительное письмо в ЦК КПСС?

ПАНАСЕНКО. Нет, не подписал. Письмо было подписано т.Булганиным. Маленков прочитал, посмотрел, а потом говорит: "подписывать не буду". Он хотел что-то переделать в сопроводительном письме и оставил этот документ у себя. Потом позвонил Николаю Александровичу.

КОМАРОВ. При вас позвонил?

ПАНАСЕНКО. Да.

КОМАРОВ. О чем они говорили?

ПАНАСЕНКО. Маленков сказал Булганину, что я привез ему документ и что он оставит его у себя, подписывать не будет.

ШВЕРНИК. Заявление Федосеева, записка Абакумова и справка Климкина были подлинными документами или копией?

ПАНАСЕНКО. Я хорошо помню, что по поручению т.Булганина я снимал одну копию, там речь шла о подслушивании телефонных разговоров. Я хорошо помню, как т.Булганин сказал, что одно место надо выбросить, где речь шла о подслушивании телефонного разговора Жукова. И когда снималась копия, то это место было выпущено. Эти документы остались у Маленкова.

Все документы были написаны от руки: заявление от руки было написано чернилами и письмо Абакумова тоже написано от руки.

МАЛЕНКОВ. Это должно все сохраниться. Я их не брал никуда.

БУЛГАНИН. Вкруговую давали один документ то, что касалось маршалов Советского Союза и Говорова. Там была справка о подслушивании, он правильно говорит.

ПАНАСЕНКО. Это самый документ.

ШВЕРНИК. Записка Климкина?

ПАНАСЕНКО. Это тот документ, который я возил.

БУЛГАНИН. Справка Климкина это и есть документ о подслушивании телефонных разговоров маршалов Жукова, Ворошилова, Воронова, Буденного и других и с него снималась копия, только с одного документа. Почему? Потому, что там против некоторых лиц было сказано, что подслушивались телефонные разговоры, где были установлены такие аппараты связи и тогда вкруговую послали и не обратили большое внимание на этот документ. Тогда я и т.Хрущев решили снять копию и я просил т.Панасенко снять копию с этого документа.

АНДРЕЕВА. Должен был пойти вкруговую?

БУЛГАНИН. И пошел, а остальные документы все в оригинале поручил т.Панасенко отвезти т.Маленкову. Там была записка, написанная карандашом.

МАЛЕНКОВ. Это то, что диктовал мне т.Сталин, на одном листе. Это было написано моей рукой.

БУЛГАНИН. Потом было заявление Федосеева на одном листе.

ШВЕРНИК. Эти документы Маленков оставил у себя?

МАЛЕНКОВ. По поводу своих личных заметок, продиктованных т.Сталиным, я говорил, беседовал, их видели, объяснял. Насколько я сейчас помню, были сняты копии. Когда я выступал на Пленуме ЦК передо мной были копии и подлинники.

ШВЕРНИК. Вы об этих документах на Пленуме ЦК ни слова не говорили.

МАЛЕНКОВ. Есть стенограмма.

КУЗНЕЦОВ. Мы читали стенограмму, там об этом ни слова нет.

МАЛЕНКОВ. Меня потом исключили. Я очень сожалею, что это не осталось.

АНДРЕЕВА. Вы и ничего не говорили. Вы должны были сказать: "я, Маленков, организовал особую тюрьму при КПК для руководящего партийного актива, составил памятку следователю с вопросами и от-

ветами". Вот, как вы должны сказать. Вы этого на Пленуме ЦК не говорили и вообще ничего не говорили о тюрьме. Мы сидели на Пленуме и слышали, что вы говорили.

ШВЕРНИК. Маленков неправильно сделал, что не подписал документа для ознакомления вкруговую.

МАЛЕНКОВ. Я согласен.

ШВЕРНИК. И этим самым лишил возможности ознакомиться членам и кандидатам в члены Президиума и секретарей ЦК КПСС. Мы считаем, что это очень важные документы. Мы думаем и должны прямо сказать, что действия Маленкова вытекают из тех настроений и той фракционной работы, которую антипартийная группа Маленкова, Молотова, Кагановича проводила против Центрального Комитета партии.

МАЛЕНКОВ. Какая здесь связь, что вы в самом деле? Когда об этом деле было написано заявление Суханова, это было задолго до всех этих событий. Я в ЦК приезжал по этому поводу и сказал. Мне сказали тогда, что не требуется объяснения и не поставили на Президиуме ЦК. Есть документ Суханова и сказали, что на Президиуме не будем обсуждать, а разошлем всем членам Президиума.

АНДРЕЕВА. Николай Александрович говорит, что он не знал об особой тюрьме.

ШВЕРНИК. Скажите о существовании заявления Федосеева и письма Абакумова?

МАЛЕНКОВ. Я утверждаю сейчас, что они наверняка сохранились.

ШВЕРНИК. Мы установили, что этих документов нет.

МАЛЕНКОВ. Читали товарищи, какой смысл куда-то его девать? Письмо Абакумова - была просьба. Поскольку я вел эту комиссию, то, вероятно, ко мне или к т. Сталину обращался.

ШАТУНОВСКАЯ. Если вообще никакого смысла не было в письмах, почему вы их хранили?

МАЛЕНКОВ. Я не хранил.

ШВЕРНИК. Почему вы не подписали сопроводительное письмо и тем самым лишили информации членов Президиума? Булганин виноват, что не настоял, чтобы Маленков подписал письмо. Вас уличают в сокрытии от ЦК КПСС важного документа. Невольно возникает вопрос, что Маленков и Булганин сознательно скрыли эти документы от ЦК КПСС?

МАЛЕНКОВ. Я говорю, что с этими документами, которые ко мне попали (пускай скажет Николай Александрович) ознакомился не только он один, об этих документах знают и другие члены Президиума.

КОМАРОВ. А зачем Булганин посылает для ознакомления?

МАЛЕНКОВ. Не он один знакомился с этими документами.

ШВЕРНИК. Это очень важная информация была для Центрального Комитета партии. Булганин подписал, вам направил, а вы не подписали. Значит у вас были какие-то разногласия с Булганиным. Если есть разногласия, будьте добры, скажите?

МАЛЕНКОВ. Нет никаких совершенно разногласий. С этим письмом знакомились и другие, это легко проверить. Знают все содержание всех этих документов. Когда я по этому поводу сам лично приезжал в ЦК после того как Суханов написал, мне сказали, что в Президиуме ставить этот вопрос не требуется, не нужно.

ШВЕРНИК. А если эти документы пропали? Вы же отвечаете за это?

МАЛЕНКОВ. Я отвечаю. Я понимаю все это дело. Я от них не отказываюсь и отвечаю за большее, чем за это.

26 ШВЕРНИК. Теперь и Булганин неправильно сделал. Почему вы, находясь в больнице, 14 июня 1958г. вспомнили о копии сопроводительного письма и потребовали от своего помощника Алашеева принести ее в больницу?

БУЛГАНИН. Ничего я не вспоминал. Когда я лег в больницу, у меня был предоперационный период около 20 дней. Я был в состоянии читать. В первые же дни, как я ушел с Пленума ЦК, так как я имел уже новое назначение, передо мной возник вопрос: куда деть все документы моего архива, которые находились в это время в Госбанке. Товарищи стали разбирать эти документы и, кажется, через день или один раз в день приезжали ко мне, показывали документы и говорили, что это надо отправить в ЦК, в Моссовет, а эти документы надо уничтожить. И я давал согласие, указание. Я совершенно забыл об этом документе, который ты, Николай Михайлович, держишь в руках. Незадолго до этого я читал записку т. Парфентьева, которая была разослана членам Президиума ЦК. Когда я прочитал записку т. Парфентьева о том, что эти документы были переданы мне, я сказал, чтобы этот документ привезли мне и я оставил его у себя. Никакого специального документа не требовал.

МАЛЕНКОВ. Кроме тебя кто-нибудь из членов Президиума читал этот документ?

БУЛГАНИН. Я уже говорил.

МАЛЕНКОВ. С тем, с кем я беседовал, они читали, знали содержание этих документов.

БУЛГАНИН. Я говорил.

ШВЕРНИК. Какие документы?

БУЛГАНИН. Которые были у Маленкова.

МАЛЕНКОВ. Все без исключения.

ШВЕРНИК. Мы говорим не вообще о документах, а конкретно.

Нужно внести ясность. В этом письме упоминаются такие документы, как, например, заявление Федосеева и записка Абакумова. Тов. Парфентьев в своей записке об этих документах не пишет, значит у Николая Александровича были другие соображения.

БУЛГАНИН. Почему?

ШВЕРНИК. Тов. Парфентьев не пишет об этих документах.

27 БУЛГАНИН. Когда я прочитал записку т. Парфентьева, что они переданы мне и когда мне принесли эту бумагу, я должен был подумать о том, чтобы иметь документ, что я его передал.

ШВЕРНИК. Вы попросили и вам принесли.

БУЛГАНИН. Нет, я ничего не просил. Мне принесли.

ШВЕРНИК. Значит он догадался и вам принес этот документ.

БУЛГАНИН. Мне не только этот документ принесли, а мне принесли целую кучу бумаг, все документы принесли.

ШВЕРНИК. Николай Александрович, мне кажется, ты неправильно говоришь. Никакой регистрации копии не было и это единственная записка, она по существу много проливали света и не случайно попала к тебе. Почему? Потому, что ты какую-то цель преследовал, прося эту бумагу. У нас складывается такое убеждение, что эта записка имела значение. Если ее уничтожить, то тогда можно было бы спрятать концы в воду.

БУЛГАНИН. Если бы я хотел уничтожить, то я ее уничтожил бы.

ШВЕРНИК. Вы не успели это сделать.

БУЛГАНИН. Да что вы, это неправильно.

ШВЕРНИК. У вас ее забрали в больнице, правильно или нет?

БУЛГАНИН. Мне пришли и сказали: КПК интересуется этим документом.

КУЗНЕЦОВ. И вы попросили, чтобы вам от руки сделали копию.

БУЛГАНИН. Я должен о себе подумать. Я же не знал, что он (Маленков) может сказать. Откуда я мог знать. Он мог сказать, что я от Булганина никаких документов не получал.

КУЗНЕЦОВ. В оправдание хотели оставить?

БУЛГАНИН. Точно.

ШВЕРНИК. А если бы сопроводительная была уничтожена, то тогда концы в воду.

МАЛЕНКОВ. Я еще раз повторяю, чтобы обратили внимание, что все документы были прочитаны не только Николаем Александровичем, но когда я беседовал с другими членами Президиума, они знали, читали эти документы.

ШВЕРНИК. Почему вы не подписали эту бумагу? Булганин вам прислал с нарочным, а вы оставили ее у себя.

БУЛГАНИН. Надо было подписать.

ШВЕРНИК. Если не согласен, то верни эти документы.

МАЛЕНКОВ. О них все знают.

ШАТУНОВСКАЯ. А если знают, то почему не передали для ознакомления вкруговую?

ШВЕРНИК. Это является антипартийным действием.

МАЛЕНКОВ. Теперь ясно. Тогда говорилось о том, что эти документы читали и на Президиуме эти вопросы ставить не будем.

ШВЕРНИК. Эти документы у вас остались.

КОМАРОВ. Нужно было ознакомить членов Президиума.

ШВЕРНИК. Тов.Маленков, расскажите, для какой цели вы создали тюрьму при КПК, кто в ней сидел и кто ее обслуживал?

МАЛЕНКОВ. Я имел к этому отношение следующее. Мне т.Сталин сказал и продиктовал тот документ, о котором шла речь, что он беседовал также со Шкирятовым.

ШВЕРНИК. На покойника не валите. Вы дали указание при КПК создать тюрьму, а теперь на Шкирятова валите. Отвечайте за себя. Почему вы организовали особую тюрьму?

МАЛЕНКОВ. Я отвечаю за себя.

ШВЕРНИК. Какие задачи ставили?

МАЛЕНКОВ. Тов.Сталин сказал, что он предлагает организовать эту тюрьму. Это происходило в тот период (я тогда хорошо себе представлял), когда он совершенно не доверял Абакумову. И вскоре тогда или тут же была создана комиссия по делу Абакумова, которую мы вели.

ШАТУНОВСКАЯ. Вы посадили туда Кузнецова?

МАЛЕНКОВ. Я никого туда не сажал. Я должен тоже защищаться. Меня вызвал т.Сталин и сказал, что нужно организовать тюрьму и чтобы я поговорил со Шкирятовым. Он выделил одного-двух человек для этой цели.

ШВЕРНИК. Для какой цели?

МАЛЕНКОВ. Для тюрьмы.

ШВЕРНИК. Вы организовали тюрьму, а не Шкирятов, что вы на Шкирятова сваливаете? Кто составлял смету?

МАЛЕНКОВ. Я никакой сметы не составлял.

ШВЕРНИК. Начальника тюрьмы вы утвердили, это сотрудник МВД Клейменов, заместителем начальника Шестакова — инструктора Административного отдела ЦК партии. Назначили следователей — Захарова и Никифорова. Утвердили штат тюрьмы в составе 100 человек. Неужели у вас, как у партийного человека, не появилось сомнение, что нелепо организовывать тюрьму при КПК?

МАЛЕНКОВ. Здесь вы правы совершенно.

ШВЕРНИК. Вы должны отвечать за это.

МАЛЕНКОВ. Я отвечаю за это, да и не только за это. Но тогда люди постарше и поопытнее меня ничего не говорили. Вообще не было таких, которые бы протестовали против указаний, которые давались.

ШВЕРНИК. Вы не только не протестовали, но и сами арестовывали и допрашивали партийных и советских работников, фальсифицировали дела на ни в чем не повинных людей.

МАЛЕНКОВ. Я говорил, что мы ездили туда.

БУЛГАНИН. Не туда, а в Лефортово.

МАЛЕНКОВ. В особой тюрьме я не был, а был в Лефортове. Нас посылали. Зачем на меня лишнее говорить?

ШВЕРНИК. Как же вы там не были, в особой тюрьме, если подбирали работников для этой тюрьмы?

МАЛЕНКОВ. Я не был там.

ШВЕРНИК. Бывший секретарь ЦК КПСС ведь вами содержался в особой тюрьме. Вы его допрашивали!

МАЛЕНКОВ. Я не был в особой тюрьме.

КУЗНЕЦОВ. Начальник особой тюрьмы т.Клейменов просил дать т.Кузнецову один лист бумаги, чтобы написать жалобу т.Сталину. И вы ему запретили давать. Он приходил к вам как начальник особой тюрьмы, который подчинялся только двум лицам — Маленкову и Шкирятову. Значит эта тюрьма вам была подчинена, вы штат комплектовали, вы послали первых узников?

МАЛЕНКОВ. Не я один.

КУЗНЕЦОВ. Вы дали указание Федосеева туда перевести. Вы инструктировали, как надо допрашивать Кузнецова. Вы Захарова и Никифорова инструктировали, как вести допрос. Они действовали под вашим руководством, а вы это отрицаете.

МАЛЕНКОВ. Я сказал, что было. Лишнее я тоже не хочу на себя брать.

ШВЕРНИК. Нужно пригласить свидетелей и устанавливать истинные вещи.

КОМАРОВ. Вы ничего не рассказываете.

ШВЕРНИК. Неправильно вы ведете себя, тов.Маленков!

МАЛЕНКОВ. Не буду брать на себя лишнее.

ШВЕРНИК. Как можете вы отказываться, если вы сами организовали тюрьму и управляли ею. Надо же было додуматься, чтобы тюрьма была при КПК. Создать партийную тюрьму, что вы с ума сошли.

ШВЕРНИК (обращаясь к свидетелям). Кто из вас был в этой тюрьме?

КЛЕЙМЕНОВ (бывший начальник Особой тюрьмы). Я сейчас в отставке. Работал в последнее время в Комитете государственной безопасности начальником отдела. 28 февраля 1950г. начальник тюремного управления предложил мне немедленно поехать в ЦК - в секретариат т.Маленкова. Это было около 12 часов дня. Прибыв в ЦК, я в приемной встретил Круглова - министра, его заместителя Обручникова и должен был прибыть Пуговкин. Круглов все время входил и выходил, волновался, что скоро ли появится Пуговкин.

ШВЕРНИК. Где работал Пуговкин?

КЛЕЙМЕНОВ. Пуговкин работал у нас начальником отделения тюремного управления. Появился Пуговкин и все вошли в кабинет т.Маленкова. Сели за большой длинный стол. Тов.Маленков задал мне вопрос, где я работаю, кем и был ли я военным человеком. Я заявил, что работаю заместителем начальника тюремного управления, ранее был на военной службе моряком Балтийского флота. Потом нас отослали.

Обсуждался вопрос о кандидатуре на начальника особой тюрьмы. В тот же день позднее я был снова вызван, это уже к вечеру, к т.Маленкову. В это время у т.Маленкова находился В.П.Шестаков. Он работал в то время инструктором ЦК. Там также был бывший заведующий Административным отделом т.Громов. Здесь меня познакомили с т.Шестаковым. Тов.Маленков заявил, что в Сокольнической тюрьме выделяется особое помещение для содержания 30-35 чел. и что я утверждаюсь начальником этой особой тюрьмы. Тов.Шестаков будет моим заместителем, а второго заместителя по вопросам чисто тюремным предложили самим подобрать. Пуговкин намечался, но почему-то не подошел. Вот такого рода был разговор.

Тов.Маленков заявил, что принято решение допросить ряд заключенных в новых условиях, перевести заключенных, содержащихся в Лефортовской тюрьме. У ЦК есть такой опыт, что люди в одних условиях дают одни показания, а когда их перемещают в другие условия — дают другие показания, отказываются от своих прежних показаний. Эта тюрьма будет находиться при КПК, вы будете подчиняться лично мне.

ШВЕРНИК. Кто это сказал?

КЛЕЙМЕНОВ. Тов.Маленков. После этого мы вместе с т.Шестаковым были у т.Громова. Ему было дано т.Маленковым указание выслушать нас и помочь нам в том, в чем мы будем нуждаться. Тов.Громов спросил: есть ли у нас автомашина? Я ответил, что есть. Он говорит, что нужно, чтобы она была у вас круглосуточно, а за т.Шестаковым необходимо закрепить машину. Тов.Громов при нас позвонил Д.В. Крупину и за ним была закреплена автомашина "Победа".

Тов.Маленков сказал, что мы будем долго работать в этой тюрьме и что нас необходимо поместить в районе тюрьмы, выделить квартиры в этом районе. В то время не было свободных квартир. Я сказал, что этого не нужно делать, так как пришлось бы выселять людей, а, если потребуется, то я буду находиться день и ночь на работе, да к тому же у меня есть телефон, легковая машина. И этот вопрос отпал.

На второй день, 1 марта, я был вызван к т.Маленкову. В это время у него находился бывший министр государственной безопасности Абакумов. Представив меня Абакумову, он дал ему распоряжение перебросить из Лефортовской тюрьмы на этот объект трех человек.

ШВЕРНИК. Что это за объект?

КЛЕЙМЕНОВ. Это особая тюрьма. В Москве есть Сокольническая тюрьма, расположенная на Матросской тишине. Пока этот разговор велся, Круглов дал указание выделить особое изолированное помещение. Таким образом создалась тюрьма в тюрьме. Эта тюрьма не подчинялась ни министру государственной безопасности, ни министру внутренних дел, а подчинялась т.Маленкову и КПК. 1 марта, на второй день, я встретил у т.Маленкова Абакумова.

ШВЕРНИК. (Обращаясь к Маленкову). Вот вам подчинение Особой тюрьмы КПК.

КЛЕЙМЕНОВ. Вечером ко мне бывший начальник внутренней тюрьмы Миронов доставил трех заключенных: Кузнецова - бывшего секретаря ЦК, Фефера - писателя и Федосеева - бывшего подполковника государственной безопасности, работника охраны.

ШВЕРНИК. Эти лица - Кузнецов, Фефер, Федосеев - к вам были доставлены по указанию Маленкова?

КЛЕЙМЕНОВ. Маленковым было дано указание Абакумову доставить этих заключенных в особую тюрьму. Они были доставлены.

Потом появился у меня заместитель - В.П.Шестаков. Мы вместе с ним подбирали людей для обслуживания особой тюрьмы. Вместе с ним подобрали врача, фельдшеров, надзирательский состав, дежурных по охране. Через каких-то неделю-две мы доставили в ЦК КПСС на допрос к т.Маленкову заключенного И.И.Федосеева. Везли на машине "Победа" вдвоем, заезжали с Ипатьевского переуллка и поднялись особым лифтом. Доставили в комнату. Комната была без окон.

МАЛЕНКОВ. Возле Оргбюро.

КЛЕЙМЕНОВ. Были там т.Маленков и еще два работника Комитета Партийного Контроля. Наше дело было ввести и выйти. Таким образом, во время допроса мы с т.Шестаковым сидели в другой комнате. Так Федосеева доставляли на допрос к Маленкову в здание ЦК КПСС дважды. Через пару недель снова доставили Федосеева этим же людям - Маленкову и двум работникам ЦК, а 17 марта у меня была поставлена вертушка. Тов.Маленков лично меня вызвал по телефону и сказал: Федосеева перевезите обратно в Лефортовскую тюрьму для суда и в этот же день за ним приехали и его перевезли, а через некоторое время его судили и он был расстрелян.

ШВЕРНИК. Эта тюрьма потом была ликвидирована?

КЛЕЙМЕНОВ. 12 июля 1951г. вечером, в обеденный перерыв, я был дома. Мне звонит помощник Круглова и просит позвонить министру. Когда я позвонил т.Круглову, он спрашивает: сколько тебе нужно времени для того, чтобы развернуть особую тюрьму? Я заявляю, что не менее двух суток. Я знал, что там обратно все занято, а тут речь идет о часах. Я говорю, что попробуем за это время уложиться. Мне сказали, чтобы я позвонил Шкирятову. Набираю телефон т.Шкирятова и говорю: докладывает полковник Клейменов. Тов.Шкирятов мне сказал, что через час мы будем у вас. Я немедленно звоню начальнику Сокольнической тюрьмы и говорю: ты побыстрее в том углу, где мы находились, освободи помещение, я сейчас приеду. Часов в шесть я был на месте, а через час действительно появляются во дворе этой тюрьмы 5 человек на машине "ЗИС-110." Я это наблюдал в

окно. Кто выходит из машины? Выходят генерал-лейтенант Стаханов - теперешний министр внутренних дел РСФСР, Гоглидзе - работник органов государственной безопасности и два работника из военной прокуратуры Союза. Один из них был Ключицкий, а другого не знаю и с ними Абакумов, одетый легко. Заходят в помещение. Гоглидзе проходит и говорит: вы знаете этого человека? Я говорю - знаю. Примите его как арестованного. Несколько камер было освобождено и я сажаю Абакумова в камеру.

ШВЕРНИК. Еще был кто кроме Абакумова?

КЛЕЙМЕНОВ. На другой день доставили Леонова, Лихачева, Шварцмана (следователи по Ленинградскому делу), всего было человек 12 вместе с Абакумовым.

ШВЕРНИК. Это все, которые обвинялись?

КЛЕЙМЕНОВ. Да.

ШВЕРНИК. Просит слово бывший зам.начальника Особой тюрьмы т.Шестаков.

ШЕСТАКОВ. В это время в 1950г. я работал в аппарате ЦК КПСС в Административном отделе, работал с 1944 по 1955г. В 1955г. решением ЦК партии был направлен в Комитет государственной безопасности, где сейчас работаю заместителем начальника отдела.

В конце февраля или в начале марта заведующий Административным отделом т.Громов вызвал меня к себе в кабинет и сказал, чтобы я следовал за ним наверх, на 5 этаж. По дороге я спросил, к кому мы идем, к т.Пономаренко? Нет, к т.Маленкову, но по какому вопросу он мне не сказал, узнаешь там - сказал он мне. Придя в приемную, я увидел, что туда пришел Клейменов. Через некоторое время нас пригласили в кабинет к т.Маленкову. В кабинете были: я, Громов, Клейменов. Обращаясь ко мне, т.Маленков сказал, что я пригласил вас вот по какому вопросу. Создается особая тюрьма, в этой тюрьме будут временно содержаться некоторые бывшие партийные работники. Эта тюрьма будет существовать при КПК.

Обращаясь к т.Клейменову, т.Маленков сказал: вы назначаетесь начальником тюрьмы, а мне сказал: вы будете находиться в тюрьме и будете наблюдать за тем, чтобы работники Министерства государственной безопасности не имели к людям никакого отношения, потому что мы ставим перед собой задачу, чтобы работники КПК объективно разобрались в их делах.

ШВЕРНИК. Хорошее дело.

АЛФЕРОВ. Следователями кто был назначен?

ШЕСТАКОВ. Не знаю. Когда мы привозили к Маленкову в ЦК КПСС для допроса заключенного Федосеева, то было два работника помимо т.Маленкова, один из них был Никифоров, а другого я не знаю.

ШАТУНОВСКАЯ. В каком состоянии был доставлен в особую тюрьму Кузнецов?

ШЕСТАКОВ. Мне трудно сказать. Внешне, по сравнению с тем, как я его знал по работе в аппарате ЦК, он был изнуренным. Однажды он нам пожаловался, что его подвергали избиению и у него лопнула барабанная перепонка, так как его били по уху.

ШВЕРНИК. Кто еще может рассказать об особой тюрьме КПК?

КИТАЕВ. Я работал военным прокурором. 13 июля 1951г. в ночь на 14 меня вызвал к себе генеральный прокурор Сафонов и сказал, что арестован Абакумов и вам придется с бригадой следователей помочь комиссии. По делу назначена комиссия во главе с т.Маленковым. Я спросил: кто они? Он сказал, что арестованы Абакумов и его следственные работники, они будут содержаться по распоряжению т.Маленкова в особой тюрьме.

В эту тюрьму мы ездили дня через 2-3. Эта тюрьма находилась на Матросской тишине, имела отдельный вход, отдельный изолированный корпус. Когда мы пришли в кабинет начальника, что мне бросилось в глаза? Стоит кремлевский телефон. Осмотрели камеры.

Через 2-3 недели я стойкнулся с Абакумовым. Мне поручили его допросить, поговорить, дать бумагу, чтобы он изложил свои показания, а потом позвонили, чтобы не давать бумаги.

ШАТУНОВСКАЯ. Кто позвонил?

КИТАЕВ. Заместитель генерального прокурора Мокичев. Так было несколько раз: то дай бумагу, то не давай бумаги, то допроси, а потом опять спрашивали, почему не давал бумагу. Одним словом, было шаткое положение.

Когда я встретился с Абакумовым, он сказал: "слушайте, что вы меня держите здесь, я же не арестованный, это же особая тюрьма, она находится в ведении Центрального Комитета партии".

ШВЕРНИК. Слово просит т.Чепцов.

ЧЕПЦОВ. Мне как бывш. председателю Военной коллегии Верховного суда СССР в 1952 году при рассмотрении в суде дела Лозовского и др. стало известно, что при ЦК КПСС была специальная тюрьма в Матросской тишине, в которой содержались под стражей крупные в прошлом партийные работники, арестованные по указанию Маленкова, который был явно заинтересован в инспирировании им ложных обвинений. Как мне тогда сообщили работники Прокуратуры СССР и МГБ СССР, материалы обвинения на арестованных передавались в следственные органы после длительного содержания арестованных в этой тюрьме, причем в эту тюрьму никто к арестованным без специального распоряжения Маленкова и Шкирятова не допускались даже работники Прокуратуры СССР.

В допросах арестованных участвовали как мне передавали тогда Маленков и Шкирятов, протоколы допросов с подписью последнего я лично видел.

Такой "порядок" ареста и содержания арестованных из числа б. крупных партийных и советских работников безусловно predetermined судьбу их, довлел над следственными, прокурорскими органами и судами и создавал почву для фальсификации материалов обвинения.

При рассмотрении Военной коллегией Верховного суда СССР дела по обвинению Лозовского и др., которые также, как мне стало известно в ходе судебного процесса, содержались в упомянутой выше тюрьме, было установлено, что материалы обвинения против подсудимых были сфальсифицированы.

Суд стал перед фактом, когда обвинительный приговор с осуждением к расстрелу Лозовского и др. (такое было указание суду от ПБ ЦК ВКП(б)).

Доложив об этом ряду руководящих работников ЦК ВКП(б), я был на приеме у Маленкова, которому мы все тогда безусловно верили. Я ему в присутствии б. министра МГБ СССР т. Игнатьева и его б. зам. Рюмина подробно доложил - почему суд не может вынести обвинительный приговор Лозовскому и др., продиктованный судьям ПБ ЦК КПСС. Однако Маленков, видимо, лично заинтересованный в исходе дела, как теперь мне стало ясно, не внял убедительным доводам судей.

КИТАЕВ. Я с Фефером беседовал. Он заявил мне, что содержался в тюрьме ЦК 6-7 месяцев и с ним беседовал Шкирятов, допрашивал его. Я в деле видел протокол очной ставки между Лозовским и Жемчужиной. Он говорил, что сидел в особой тюрьме ЦК.

ШАТУНОВСКАЯ. У меня вопрос к т.Клейменову. А вот смета, штаты, подбор людей - кем это было утверждено?

КЛЕЙМЕНОВ. Министром внутренних дел Кругловым.

ШВЕРНИК. Я считаю, что сам факт существования особой тюрьмы при КПК доказан. Организаторами этой тюрьмы были Маленков и Шкирятов. Так?

МАЛЕНКОВ. Прошлый раз говорили и теперь ясно, что в тюрьме не бывал совсем. Переводили заключенных из Лефортовской тюрьмы в эту, но я в тюрьме не был.

ШВЕРНИК. К вам на допросы в ЦК КПСС возили заключенных из этой особой тюрьмы.

МАЛЕНКОВ. В чем я виноват, оглядываясь назад и оценивая прошлое, это совершенно другой вопрос. Ко многим делам я не имел отношения. Я первый раз здесь слышу о некоторых вещах. Абакумовское дело я вел. Тов.Сталин не доверял МГБ и, исходя из этого, он требовал перевести его в другую тюрьму.

КУЗНЕЦОВ. Тов.Маленков, тут нельзя уходить от вопроса назначения этой особой тюрьмы. Возьмем два дела.

Дело Кузнецова. На чем построены все обвинения? Чтобы Кузнецов не отказывался от выбитых показаний. Создали такие условия, что Кузнецов вынужден был на суде не отказаться, что он был гвоздем ленинградского процесса.

Еврейское дело возьмите. Кто был главным руководителем? Фефер. Где он содержался? В особой тюрьме. Но Фефер один только не отказался от этого дела.

А какой результат? Кузнецова посадили, расстреляли, Фефера посадили - расстреляли. Федосеева посадили - расстреляли. Прикрываясь партийной вывеской, прикрываясь именем КПК, вы фактически использовали доверие партии, что партия проверяет, а результат один - расстрел. Вот в чем ужас! Кузнецов и Фефер - это дутые процессы. В этом ужас и цинизм, изуитство!

ШВЕРНИК. Маленков отказывается, что он допрашивал Вознесенского, Кузнецова и других, а Булганин подтверждает, что он допрашивал.

МАЛЕНКОВ. Мы вместе были, нас послали вместе с ближней.

БУЛГАНИН. Не с ближней, а с квартиры. Ко мне заехали на квартиру.

ШВЕРНИК. Вы допрашивали Кузнецова, Попкова, Соловьева, Вознесенского, Вознесенскую и др. вместе с Берия и Булганиным.

МАЛЕНКОВ. Мы вместе были.

ШАТУНОВСКАЯ. Можно будет повторить еще раз, кого вы допрашивали?

МАЛЕНКОВ. Я вспомнил про брата Вознесенского. Вы мне скажите, я не отказываюсь, кого я допрашивал.

ШВЕРНИК. Скажи ты, ведь ты допрашивал.

МАЛЕНКОВ. Я допрашивал так же, как и другие. Я ни от чего не отказываюсь.

ШАТУНОВСКАЯ. Вспомните.

МАЛЕНКОВ. Прошло много событий и я не помню.

ШВЕРНИК. Булганин говорит, что вы допрашивали Кузнецова, Попкова, не помните, допрашивали?

МАЛЕНКОВ. Раз говорит человек, значит я допрашивал.

ШВЕРНИК. Это же был секретарь ЦК КПСС.

МАЛЕНКОВ. Я не помню, но допустим было.

КУЗНЕЦОВ. Это точно, но не допустим.

ШВЕРНИК. Вы ездили вместе с Булганиным, кого вы допрашивали?

БУЛГАНИН. Я прошлый раз говорил. Там были Кузнецов, Попков, Соловьев, брат Вознесенского, сестра Вознесенского.

МАЛЕНКОВ. Совершенно верно.

КУЗНЕЦОВ. 5 человек и всех расстреляли.

МАЛЕНКОВ. Нас послал т.Сталин, группу людей и мы пробыли там недолго.

АЛФЕРОВ. Какое мнение сложилось после этого?

МАЛЕНКОВ. Я сказал т.Сталину, что они не признаются, сказал в таком смысле.

КОМАРОВ. Если не признаются, то ваша задача была выяснить виновность людей.

МАЛЕНКОВ. Мы сказали т.Сталину, я говорил. Я думаю, что и другие говорили.

КОМАРОВ. Никто не докладывал т.Сталину?

МАЛЕНКОВ. Я говорил.

КОМАРОВ. Как доложили?

МАЛЕНКОВ. Я сказал, что они не признаются. Вы думаете, что подробный разговор был у товарища Сталина? Нет.

ШВЕРНИК. Вы докладывали подробно?

МАЛЕНКОВ. Я сказал кратко, что не признаются.

ШВЕРНИК. У т.Булганина сложилось мнение, что ленинградские работники невиновны, а сложилось ли такое мнение у вас, т.Маленков?

МАЛЕНКОВ. Зачем сейчас об этом говорить?

БУЛГАНИН. С момента возникновения "ленинградского дела" было ясно, что это дело дутое.

ШАТУНОВСКАЯ. Кем? Кто раздувал?

БУЛГАНИН. Вызывал Шкирятов, т.Маленков, насколько я знаю, их допрашивали, как представители ЦК.

ШВЕРНИК. У вас, т.Булганин, сложилось мнение, что они невиновны?

БУЛГАНИН. Да.

ШАТУНОВСКАЯ. А почему вы об этом не сказали т.Маленкову?

МАЛЕНКОВ. Тогда была уверенность, что это большое дело.

ШВЕРНИК. Какое большое?

БУЛГАНИН. Например, для ареста председателя Совета Министров Родионова не было никаких оснований.

МАЛЕНКОВ. Теперь это ясно совершенно.

ШВЕРНИК. А тогда не ясно было? Надо прямо сказать, что в этом деле т.Маленков играл большую роль как человек, который все время был близок к т.Сталину и в этом отношении он злоупотреблял своей партийностью.

МАЛЕНКОВ. Мог ли я сам организовывать тюрьму?

ШВЕРНИК. Вы вошли в доверие к Сталину.

МАЛЕНКОВ. Вы помните, кто мог возражать т.Сталину.

АНДРЕЕВА. Вы бы не возражали, но и не активничали бы в этом деле. Мы недавно реабилитировали людей: одного секретаря члена партии с 1917г., другого члена партии с 1920г., ряд рядовых работников, железнодорожников, которых посадили на 20 лет. Это было ростовское дело. Там была клеветница, которая давала неправильные показания.

ШВЕРНИК. Давайте, товарищи, кончать на этом.

КОМАРОВ. У меня есть вопрос к т.Маленкову, почему у него была злоба и ненависть к кадрам?

МАЛЕНКОВ. Не было у меня злобы.

ШВЕРНИК. Зря вы отпираетесь. Вы же в Белоруссии и в Армении истребили много людей.

МАЛЕНКОВ. Мы говорили об этом.

КОМАРОВ. Ваша инициатива была.

ШВЕРНИК. Мы подготовим решение и на Комитете Партийного Контроля поставим этот вопрос.

БУЛГАНИН. Я собираюсь уезжать числа 11 и просил бы побыстрее решить этот вопрос.

ШВЕРНИК. Я думаю, что до 11 числа поставим этот вопрос на Комитете.

МАЛЕНКОВ. Я за это время переболел, но я хотел бы, чтобы меня правильно поняли. Я прошу, чтобы это дело не тянулось, а побыстрее решали бы.

ШВЕРНИК. На этом закончим.
